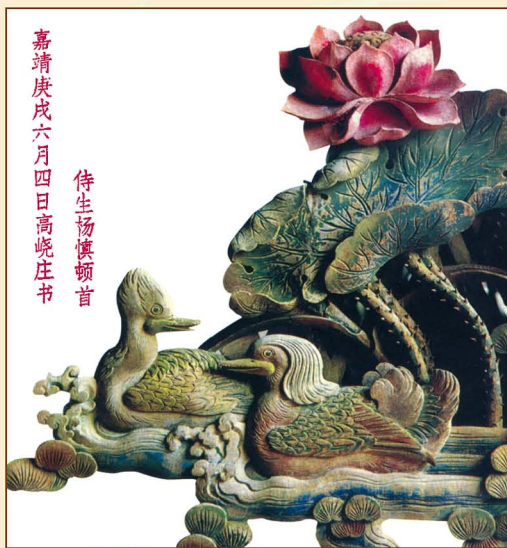

SERIES MINOR

ТАНЬ АОШУАН

КИТАЙСКАЯ
КАРТИНА
МИРА

嘉靖庚戌六月四日高峴庄书

侍生杨慎顿首

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, МЕНТАЛЬНОСТЬ

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ББК 81.031

Т 14

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Тань Аошуан

Т 14 Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 272 с. — (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).

ISSN 1727-1649

ISBN 978-5-9551-0381-5

Книга ведущего специалиста по филологии и культурологии Китая, доктора филологических наук, профессора МГУ Тань Аошуан посвящена этнокультурному осмыслению мира, которое человек получает вместе с родным языком и культурными традициями. Это свой способ видения мира, картина мира. Близость картин мира определяется сходством традиций, обусловленным общностью культуры и исторического опыта народов. Это позволяет говорить о существовании внутренней семантической типологии, характеризующей способы концептуализации мира.

Первая часть книги посвящена китайской модели мира – пространству, времени, семантике размера, значимости чисел в концептуализации мира китайцами. В частности, определяется локализация чувств в наивной картине мира китайцев, вскрывается смешение у них интеллектуального и эмоционального. Здесь также рассматриваются эстетические идеалы конфуцианцев, связанные с идеями Срединного пути.

Во второй части книги рассматриваются культурные категории: концепты любви, отношений между человеком и природой, понятиям аналогичным нашему понятию «душа», категории «тоски», проявляющейся как в обыденной жизни, так и в классической китайской поэзии, различным осмыслениям ключевого иероглифа *mei*, означающего эстетическое понятие «красивый, прекрасный». Анализ частично основывается на построении семантико-ассоциативных полей исследуемых ключевых слов.

Книга уделяет особое внимание сопоставлению китайской картины мира с русской и среднеевропейской. Она снабжена большим иллюстративным материалом и будет интересна самому широкому кругу читателей.

ББК 81.031

ISBN 978-5-9551-0381-5

© Тань Аошуан, 2012

© Рукописные памятники Древней Руси, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Часть I. Модель мира

Человек и пространство.....	11
К вопросу о семантической типологии.....	31
О модели времени в китайской языковой картине мира	35
Способы фрагментирования действительности.....	47
Семантика размера: сходство и различия	54
Значимость чисел в концептуализации мира китайцами.....	75
Модель этического идеала конфуцианцев	91
Ментальность Срединного пути.....	110
Локализация органов чувств в наивной картине мира китайского языка	123
Полифония местоимений в творчестве первого китайского нобелевского лауреата Гао Синцзяня	130
Язык динамического мира в макро- и микропространстве	143
Место грамматики в традиционной науке Китая	149

Часть II. Культурные категории

Китайский концепт любви в свете современной лингвистики	165
Реконструкция представлений китайцев о судьбе по фразеологизмам	179

Культурная категория <i>junzi</i> в зеркале отношений человека и природы	187
«Игра» со словом 'играть' в китайском языке	197
Китайское слово «душа» и китайский концепт души как двухуровневое образование, или История о забытой душе	201
Коннотации ключевого эстетического слова <i>mei</i> в китайском языке	209
Загадка иероглифа <i>luan</i> — беспорядок или порядок?	214
Категория тоски в классической поэзии (на материале творчества Ли Юя и Ли Цинчжао)	221
Почему у китайцев мало развито чувство юмора?	249
Доклад «Адресация поэтического дискурса и способы ее выражения в языке изолирующего строя»	254
Сопоставительный Анализ переводов «Нагорной проповеди» на английский, китайский, немецкий и русский языки	260
П р и л о ж е н и е	
Цитируемые образцы китайской поэзии	264
Библиография	266

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сопоставительные исследования семантических типов глаголов и семантики размера наводят на мысль, что о типологии можно говорить не только с точки зрения формальных признаков, характеризующих тот или иной языковой строй, служащих критерием для отнесения определенного языка к флективному, агглютинативному, изолирующему и т. д. Эти признаки относятся в большей степени к способам кодирования знаков — акустическим / синтаксическим или морфологическим / неморфологическим. Они не касаются или в очень малой мере касаются мировоззрения носителя языка. Известно, что языковое значение этноцентрично [Вежбицкая 1996]. Оно ориентировано на определенный этнос. Различия выражаются в толковании слов и обуславливаются несовпадениями в наивной картине мира пользователей языков.

Таким образом, в языковом сознании носителя отдельно взятого языка зафиксирован свой способ видения мира, совпадающий или не совпадающий со способом видения мира носителем другого языка. Близость картин мира определяется сходством традиций, обусловленным общностью культур и цивилизаций и исторического опыта народов. Это позволяет говорить о существовании внутренней семантической типологии, характеризующей способы концептуализации мира.

Первая часть монографии посвящена китайской модели мира — пространству, времени, семантике размера, значимости чисел в концептуализации мира китайцами. Здесь также рассматриваются этические идеалы конфуцианцев, связанные с ментальностью Срединного пути. Предпринята по-

пытка определения локализации чувств в наивной картине мира китайцев, обнаруживается смешение у них интеллектуального и эмоционального. В конце первой части при помощи лингвистического аппарата выявляется феномен раздвоения и расстроения личности в современной художественной литературе благодаря нестандартному использованию местоимений. Во второй части монографии рассматриваются культурные категории: концепт любви, отношения между человеком и природой, понятия, аналогичные нашему понятию «душа», реконструируются представления китайцев о судьбе по фразеологизмам, коннотациям эстетического понятия *mei*, категории тоски в классической китайской поэзии. Автор исходит из гумбольдтовской концепции внутренней формы языка. Анализ частично основывается на построении семантических и ассоциативных полей исследуемых ключевых слов.

ЧЕЛОВЕК И ПРОСТРАНСТВО

В лексикографической практике целесообразность описания лексических и грамматических значений через системное изучение наивной картины мира носителей языка становится все более очевидной (см. [Апресян 1986; Вежбицкая 1996; Яковлева 1994; Рахилина 1994]). Одним из центральных направлений здесь выступает анализ того, как в нашем сознании отражены человек и окружающее его пространство. Проблема человека и пространства привлекала внимание многих ученых, и в первую очередь следует упомянуть работы [Wierzbicka 1973; Топоров 1983; Апресян 1986; Лотман 1988; Степанов 1989; Флоренский 1990, 1993; Селиверстова 1990; Цивьян 1990; Хайдеггер 1991; Яковлева 1994].

Само понятие пространства, как справедливо отмечалось исследователями, неоднородно. Его можно понимать и по Ньютону — в научной ипостаси, и по Лейбницу, когда оно означает «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей...» [Топоров 1983: 228]. В вокабуляре современного человека термин «пространство» (*kongjian*) скорее понимается по-ньютоновски, как нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися. Однако образ пространства, отражаемый в нашем концептуальном мире через лексические единицы и грамматические конструкции, скорее соотносим с архаической моделью мира, в которой идея пространства, как показал В. Н. Топоров, сводится к его «собираанию», «обживанию» и «освоению» [Топоров 1983: 242].

В этом контексте характерна своеобразная «наивная философия» мира китайцев, описанная в первом параграфе «Дао дэ цзин»: «небытие — название начала неба и земли, бытие — название матери десяти тысяч вещей» (этот перевод отвечает членению, предложенному в издании памятника [Yan 1971]). В параграфе же 52 этого памятника говорится: «У Поднебесной есть начало, и оно — мать Поднебесной». Как видно, понятия «небо» (*tian*) и «земля» (*di*) своим «небытием» противопоставляются «бытию» «десяти тысяч вещей» (*wanwu*), в том числе и человека. Однако понятие *tianxia* «Поднебесная» и здесь, и вообще синкретично в том смысле, что оно совмещает в себе и пространственный, и человеческий факторы (все то, что находится под небом).

Таким образом, человек отнюдь не растворяется во множестве *wanwu* «десяти тысяч вещей», а выделяется среди них как «человековещь» *renwu*¹. Человек выступает как истинный хозяин обжитого им в течение многих тысяч лет пространства, тем существом, которое возвышается над «десятью тысячами вещей»: «человек — это то среди десяти тысяч вещей, что обладает разумом» (*ren wei wanwu zhi ling*).

С философским представлением «Дао дэ цзин» о небытии как начале Неба и Земли в «культурной парадигме» носителя китайского языка сосуществует идея «появления» пространства и идея его «сбирания» в буквальном смысле этого слова. Это мифологическое представление человека о пространстве можно проследить по легендам о том, как Паньгу «раздвинул Небо и землю»² и как Нюйва «латала Небо»³.

¹ Слово *renwu* «человеческая вещь» в современном китайском языке имеет значение 'персонаж' или 'личность'. *Ren* «человек» и *wu* «вещь» находятся в отношении рода и вида.

² Согласно легенде, изначально небо и земля были смешаны, как в курином яйце. В нем родился Паньгу, который раздвинул небо и землю. Светлое и чистое стало небом, темное и мутное стало землей, а Паньгу оказался между ними [Hanyu chengyu 1995: 7].

³ В легенде о «латании Неба» богиней Нюйва говорится, что в древности четыре страны света были разрушены, девять областей дали трещины, небо перестало покрывать Землю, Земля перестала носить Небо. Вулканы не гасли, наводнения не прекращались.

В. Н. Топоров говорит о первичности антропоморфного кода в мифопоэтическом сознании, поэтому языковое пространство «собирается» как антропоморфная система. Это фундаментальное наблюдение подтверждается лингвистическими исследованиями материала конкретных языков, которые предлагают такие понятия, как «наблюдатель», «место наблюдателя» [Апресян 1986: 11, 19] и «окрестности говорящего» [Яковлева 1994: 32—34]. Касаясь антропоцентричности языка, Ю. Д. Апресян пишет, что «для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета» [Апресян 1986: 3].

В процессе «обживания» и «освоения» пространства у каждого народа формируется свое языковое сознание, которое находит отражение в таких понятиях, как «место», «протяженность», «ориентация», «движение», «виды передвижения», «поза» и т. д. (см. [Leach 1971]). Все они в конечном счете сводимы к понятию «экзистенциальность» (*cunzai*) в разных ее формах — статичных и динамичных. К первым относятся существование и нахождение, ко вторым — передвижение и ориентация.

Существование и нахождение

Языковые формы существования, нахождения и передвижения, зафиксированные в наивной картине мира разных народов, могут оказаться весьма разнообразными. В этом легко убедиться при переводе с одного языка на другой. Однако столь очевидные факты, лежащие, казалось бы, на поверхности, часто остаются за пределами внимания наблюдателей, озабоченных скорее поисками «эквивалентного» выражения и порой не замечающих того, что стоит за фактами расхождений.

Здесь мы в первую очередь имеем в виду глаголы, которые непосредственно связаны с категорией пространства.

Нюйва с головой человека и телом змеи выплавил пятицветные камни и залатала Небо, отрезала ноги у гигантской черепахи и установила их по четырем странам света [Honglougong... 307].

Возьмем, к примеру, самый универсальный глагол со значением экзистенции для одушевленных объектов — глагол *жить*. В русском языке этот глагол в равной степени применим для выражения существования, нахождения и образа существования. Ср.:

- (1) а. Старик еще живет;
 б. Старик живет в Москве;
 в. Старик плохо живет.

Значение 'жить' в этих фразах по-китайски передается тремя разными глаголами. Это глагол-иероглиф *huo* с детерминативом «вода» и значением физического существования⁴, глагол-иероглиф *zhu* с детерминативом «человек», семантически связанный с постоянным местонахождением человека, т. е. с некоторым ограниченным пространством, и глагол-иероглиф *guo* с детерминативом «движение», имеющий значение 'прожить' (ср. идею В. Н. Топорова об «освоении пространства»).

Таким образом, вышеприведенным русским фразам соответствуют китайские фразы:

- (1') а. Laotur hai **huo** zhe;
 б. Laotour **zhu** zai Mosike;
 в. Laotour rizi (shenghuo) **guo** de bu hao
 букв. 'У старика дни (жизнь) проходят плохо'.

В последней фразе с оценочной конструкцией объектом оценки выступают *rizi* «дни» или *shenghuo* «жизнь». Поскольку *старик* является агенсом по отношению к *guo* «проходить», *дни* или *жизнь* выступают как пройденное, причем пройденное плохо.

По отношению к глаголу *huo* подобный аксиологический оператор можно применить только в случае, когда объектом оценки выступает совокупность прожитых лет, т. е. весь жизненный цикл человека. Тогда можно сказать:

⁴ Наличие у иероглифа *huo* детерминатива «вода» можно трактовать двояко. С одной стороны, без воды нет жизни. С другой стороны, жизнь возникает в воде.

(1'г) Wo zh yi beizi zong suan **huo** de hai keyi (bucuo)
 Я свою жизнь в целом все же прожил неплохо
 (букв. 'Моя жизнь в целом жилась неплохо').

Различия, которые мы наблюдаем при сравнении китайского языка с русским, обнаруживаются и при сопоставлении с другими европейскими языками. В таблице ниже приведены глаголы, выражающие соответствующие понятия в китайском и трех европейских языках.

китайский	русский	английский	немецкий
huo	жить	live	leben
zhu	жить	live	wohnen
guo	жить	live	leben (gehen)

Из этой таблицы видно, что в отношении глаголов, связанных со значением 'жить', к китайскому языку ближе всего немецкий.

Следует отметить, что в китайском языке из трех экзистенциальных глаголов только первый глагол *huo* применим к животному и растительному мирам. Универсальным глаголом постоянного нахождения для фауны и флоры, предметов неодушевленного мира является глагол *zai* «находиться» (ср. в русском языке метафорические употребления *жить*: *Смотри, твои ботинки все еще живы*). Частным способом выражения значения нахождения для растений выступает глагол *zhang* «расти», если речь идет об их естественном нахождении в пространстве:

(2) а. Hua saο **zhang** zai yuanzi li
 Цветы и травы растут (находятся) в саду.

Однако когда существование и нахождение оказываются возможными благодаря заботам человека, употребляется глагол *yang* «кормить». Ср.

(2) б. Hua saο **yang** zai huaуuan (huaran) li
 Цветы и травы кормятся (находятся) в саду (в горшке);

в. Boli gang li **yang** zhe ji tiao jinyu

В аквариуме кормятся (живут) несколько золотых рыбок;

(2) г. Wo jia li **yang** zhe yi tiao da langgou

У меня дома кормится (ест) большая овчарка.

Глагол *yang* уместен и по отношению к человеку в контексте «кормить семью (жену, мужа, детей, домработницу)». В этом случае *yang* значит 'содержать':

(2) д. Lao Wang yi ge ren gongzuo, chule laopo haizi hai yao **yang** yi ge lao muqin

Старина Ван один работает, кроме жены и детей ему еще приходится содержать старую мать.

Глагол *yang* отличается от глагола *zhang* еще и тем, что он обозначает действие. В сочетании с глаголом *zai* значение нахождения вытекает из значения результата контролируемого действия. Глагол же *zhang* «расти» описывает неконтролируемое состояние, не зависящее от воли человека. В этом смысле глагол *zhang* широко применяется в отношении человека, например:

(3) а. Na haizi shi zai wo shen bian **zhang** da de

Этот ребенок вырос рядом со мной.

Глагол *zhang* «расти» сочетается с результирующей морфемой *da* «большой»:

(3) б. Ni nyer **zhang** de zhen piaoliang

Твоя дочь очень красива (от природы);

(3) в. Liang xiongdi dou **zhang** de hen gao

Оба брата высокого роста (от природы).

О связи значения *zhang* с неконтролируемым состоянием свидетельствует еще и его применение по отношению к неодушевленным объектам, ср.

(3) г. Tian tai chao, dongxi (mianbao) dou **zhang** mei le

Погода слишком сырая, на вещах (хлебе) появилась плесень.

Дифференцированный подход к человеку как к существу, контролирующему свои действия, и к «миру вещей», не обладающему таким свойством, становится особенно очевидным, когда речь заходит о конкретных способах нахождения объектов в пространстве. Способы существования и нахождения человека и животных, растений, артефактов и предметов природы сильно отличаются. Ко всем видам объектов применимы только универсальные глаголы существования *you* и нахождения *zai*.

Рассмотрим еще две группы глаголов. Первую из них составляют глаголы *duo* «спрятаться», *cang* «спрятать» и *guan* «запереть». Глагол *duo* предполагает агентивного субъекта, поэтому применим только по отношению к человеку. Глагол *cang* применим как к человеку, так и к предметам. Но для выражения значения нахождения как результата каузации можно употреблять только глагол *cang*. Кроме того, глаголы *duo* и *cang* отличаются еще и по цели действия. Если человек защищает себя от вредного воздействия, как в сочетаниях *duo yu* «спрятаться от дождя», *duo che* «уклониться от машины», *duo zhai* «спрятаться от кредитора», *duo* нельзя заменить *cang*.

Глагол *guan* «запереть» применим, когда речь идет о результате насилия — объект находится в определенном месте вследствие лишения его свободы передвижения. Ср.

- (4) а. Jingbao gang xiang guo, tamen yi **duo** zai fangkong-dong li le

Сирена едва прозвучала, а они уже все спрятались в бомбоубежище;

- б. Feitumen kuai lai le, ni ganjin ba ta **cang** qilai, ba jia li baogui de dongxi ye **cang** zai dixia shi li

Бандиты вот-вот появятся, срочно спрячьте ее и дорогие вещи тоже срочно спрячьте в подвале;

- в. Tian kuai hei le, ba xiao ji xiao **ya** guan zai longzi li

Темнеет, спрячь цыплят и утят в корзину;

- г. Ni zai taoqi, wo jiu ba ni **guan** zai lou shang bu rang ni chuqu

Будешь еще баловаться, я тебя запру наверху (и) не пущу на улицу.

Вторая группа глаголов — это глаголы положения в пространстве. В эту группу входит большое число глаголов, описывающих положение человека, животных, артефактов и объектов природы в пространстве. Примечательно, что все они, по сути дела, сводимы к трем геометрическим конфигурациям (см. однако точку зрения [Рахилина 1998: 285]), которые можно описывать по аналогии с самыми распространенными позами человека: стоять, сидеть и лежать. Неудивительно, что в русском языке эти три статические глагола легко метафоризируются для применения к животным, артефактам и природным объектам.

В китайском языке, как это было показано в [Гань 2002: 190], глаголы *zhan* «стоять», *zuo* «сидеть» и *tang* «лежать» закреплены исключительно за человеком. Это особенно касается первых двух глаголов, в графику которых входит элемент «человек». Иероглиф *tang* «лежать» с детерминативом «тело» в лучшем случае можно употребить по отношению к «очеловеченным» домашним животным, таким как кошка или собака. Канонически *tang* предполагает такую позу, когда существо лежит на спине лицом вверх, что свойственно только человеку.

В таком случае, как же описывается положение в пространстве артефактов и объектов природы? Оно описывается с помощью акциональных глаголов и показателя состояния *zhe*, фиксирующих положение объекта как результат действия, например,

- (4) д. Huaping (shu) **fang** zai zhuozi shang
Ваза (книга) поставлена на стол.

Для других классов объектов в разговорной речи остаются только экзистенциальные глаголы *you* «есть» и *zai* «находиться». Но в литературном языке имеется достаточно широкий ассортимент дескриптивных двусложных глаголов, применимых к объектам природы, в том числе и сооружениям, воздвигнутым человеком. Выбор этих глаголов определяется характером объекта и конфигурацией его положения в пространстве.

Мы считаем целесообразным разбить эти глаголы на три подгруппы, которые, грубо говоря, соответствуют конфигу-

рациям, описываемым в русском языке посредством глаголов *стоять*, *сидеть* и *лежать*, а именно:

стоять — *chuli* (здание, башня), *songli* (гора), *shuli* (флагшток, башня), *tingli* (дерево), *douli* (гора, здание), *bili* (гора, скала), *yili* (гора, памятник), *wuli* (гора);

сидеть — *zuoluo* (озера, деревня, сад, долина, школа);

лежать — *shenzhan* (поля, лес, равнина, берега, река), *shenyuan* (дорога), *wanyuan* (горы, река, дорога).

Из приведенного списка видно, что все двусложные глаголы рубрики «стоять» образованы по атрибутивной модели, в них обязательной второй составляющей выступает иероглиф *li* со значением 'стоять'. Этот иероглиф в современном нормативном языке самостоятельно не употребляется, но входит в состав большого количества сложных слов типа *li deng* «стоячая лампа», т. е. торшер. Эта же графема выступает в качестве детерминатива иероглифа *zhan* «стоять». В вошедших в список сочетаниях иероглиф *li* предполагает вертикальное положение вытянутого вверх объекта. Иероглифы, присоединяемые к этому знаку, указывают либо на высоту (*chuli*, *songli*), либо на манеру: прямо, твердо, круто, гордо (*tingli*, *yili*, *douli*, *wuli*), либо на конфигурацию: вертикальный, стоячий (*shuli*, *bili*).

Под рубрикой «сидеть» имеется только глагол *zuoluo* («сидеть» + «располагаться»). Этот глагол применяется к плоским и невысоким предметам естественного происхождения или к созданиям рук человека, расположенным в открытом пространстве и имеющим достаточный, но ограниченный размер. Такие предметы можно полностью охватить взглядом, если оказаться на достаточной высоте или удаленности от места их расположения.

Под рубрикой «лежать» оказываются три глагола, которые объединяет значение растянутости в длину. Последний из них, *wanyuan*, описывает манеру движения пресмыкающегося. Он предназначен для обозначения статичного расположения объекта, который имеет неопределенную конфигурацию с множеством изгибов, например горы, реки, дороги (ср. [Xiandai Hanyu 1996]).

Разнообразие поз человека отражено в большом количестве самостоятельных глаголов для обозначения каждой из

поз. Их объединяет детерминатив *zu* — семантический классификатор со значением 'нога'. Словарь современного нормативного языка содержит 168 иероглифов с таким классификатором. Некоторые из них обозначают части ноги, остальные — действия, совершающиеся с помощью ног. Однако заметное место занимают те, которые обозначают позы человека в пространстве. Среди них есть и такие, которые имеют переносные значения, связанные с деятельностью ног, — *lu* «дорога», *ju* «расстояние». Последний факт также свидетельствует в пользу антропоцентричности китайского языкового сознания.

Движение и передвижение

В современном китайском языке, согласно данным [Xian-dai Hanyu 1996], насчитывается 144 иероглифа, которые имеют детерминатив «движение». Все знаки с этим детерминативом так или иначе связаны с идеей обживания и освоения пространства. Для самых распространенных из них мы можем выделить семантические типы, описывающие а) виды целенаправленного передвижения: *zhu* «выгонять», *zhui* «догонять», *tao* «убегать», *dun* «сбегать», *dai* «арестовать», *yu* «преодолевать», *xun* «обходить», *qian* «посылать», *huan* «возвращать», *song* «посылать», *yun* «перевести»; б) результаты неконтролируемого движения: *mi* «заблудиться», *shi* «исчезнуть», *feng* «встретить»; в) направленное движение: *jin* «идти вперед, войти», *tui* «идти назад, отступить», *fan* «возвращаться», *guo* «обходить», *hui* «ходить кругом», *tong* «проходить», *tou* «проникать»; г) оценки расстояния: *yuan* «далеко», *jin* «близко», или размера пространства: *liao* «широта», *bian* «край», *bian* «всюду»; д) следы передвижения: *dao* «дорога», *tu* «путь», *ji* «следы»; е) абстракции по линии пространства—времени: *xun* «быстро», *si* «быстро, скорость».

Как видно из приведенного материала, в архаичной картине мира китайцев движение человека ассоциируется прежде всего с его целенаправленным передвижением в пространстве, с направлением и скоростью этого передвижения, с

масштабами пространства и со следами, оставленными в процессе обживания и освоения пространства.

Теперь попытаемся охарактеризовать специфику, связанную с понятием передвижения, которая составляет часть наивных представлений о связи человека с окружающим его пространством. Если во многих языках глаголы передвижения различаются по способу действия, то в китайском языке подобные особенности не отражаются в самом глаголе. Неавтономное перемещение выражается синкретично значениями 'инструмент' и 'место' с экспликацией способа контакта с ними человека: *zuo che* «сидя в машине», *zuo chuan* «сидя на корабле», *zuo feiji* «сидя в самолете», *qi ma* «верхом на лошади», *qi zixingche* «верхом на велосипеде». Эта валентность реализуется обязательно только при вхождении в рему предложения:

- (5) а. Wo | **zuo** | **feiji** qu, ni ne? Ni zenme qu?
Я | полечу на | самолете, а ты? Ты | как | поедешь?

В случае сообщения лишь о времени действия, без уточнения средства передвижения, употребляется обычный глагол перемещения *zou* «идти (ехать)», исходное значение которого предполагает автономное перемещение («идти пешком»):

- (5) б. Nimen | lu shang | **zou** le | ji tian?
Вы | в дороге | прошли | сколько дней?

При необходимости указания вида транспорта употребляется глагол, описывающий способ нахождения субъекта в пространстве или способ эксплуатации данного транспортного средства:

- (5) в. Women | cong | Guangzhou | dao | Lanzhou **zuo** le |
san | tian | ban | huoche
Мы | из | Гуанчжоу | до | Ланьчжоу сидели | три |
дня | <с> половиной | <на> поезде (ехали поездом три
с половиной дня).

При замене *zou* на *zuo* «сидеть» валентность «инструмент», входя в лексическое значение *zuo* — не 'сидеть', а

‘ехать на чем-то’, — оказывается обязательной не только семантически, но и синтаксически и располагается в постпозиции. Когда срок действия выступает как рема предложения, его передвижение на последнее место возможно только при повторе глагола:

- (5) *W*omen | *cong* | *Guangzhou* | *dao* | *Lanchzhou* | *zuo* |
huoche *zuo* *le* *san* *tian* *ban*
 Мы | из | Гуанчжоу | до | Ланьчжоу | ехали на | по-
 езде три с половиной дня.

Глаголы автономного способа передвижения остаются исключительной прерогативой рода человеческого. Только двуногое существо с вертикальным расположением тела может стать агенсом глагола *zou*. Представители животного мира могут только *pa* «ползать», *paο* «бегать», *tiao* «прыгать», *you* «плавать» или *fei* «летать». Но это не препятствует метафоризации глагола. Можно сказать:

- (6) а. *Biao bu zou le*
 Часы перестали ходить;
 б. *Xia yi bu qi gai ni zou le*
 Следующий ход (в шахматы) — твой.

Со значением глагола *zou* связана валентность места, выражаемая иероглифом *lu* «дорога», в результате чего образуется сочетание *zou lu* «ходить пешком» или «идти пешком», ср.

- (6) в. *Xiaohai hui zou lu le*
 Ребенок научился ходить;
 г. *Zuo che qu haishi zou lu qu?*
 Поедем (туда) на машине или пойдем пешком?

В семантической структуре глагола *zou* не содержится валентность начальной или конечной точек движения. В вопросе *Куда (откуда) ты идешь?* употребляются глаголы *qu* «пойти» или *lai* «прийти». Но глагол *zou* употребляется еще и в значении «уходить» (*zou*). В этом значении у него появляется скрытая валентность начальной точки движения (откуда). Фраза *Ta zou le* означает ‘Он ушел’, а не ‘Он вошел’ (такое значение передает фраза *Ta qu le*), т. е. он удалился

от места нахождения говорящего и в момент речи не находится в поле его зрения. При этом в значении самого глагола также не содержится информация о способе передвижения (автономное оно или неавтономное), как это имеет место у направительных глаголов типа *lai* «прийти, приехать», *qi* «пойти, поехать», *jin* «войти, въехать», *chu* «выйти, выехать» или *guo* «пройти, проехать». Все они ведут себя так, как глаголы *подняться* (вверх), *спустаться* (вниз) или *возвращаться* в русском языке, т. е. как китайские глаголы *shang*, *xia* и *hui*.

Глагол *zou1* в принципе сочетается с такими сложными направительными глаголами, как *shanglai* «передвигаться вверх по направлению к говорящему», *shangqu* «передвигаться вниз в направлении от говорящего», *xialai* «передвигаться вниз в направлении к говорящему», *xiaqu* «передвигаться вниз в направлении от говорящего», *jinlai* «входить в направлении к говорящему», *jinqu* «входить в направлении от говорящего», *chulai* «выходить в направлении к говорящему», *chuqu* «выходить в направлении от говорящего», *huilai* «возвращаться в направлении к говорящему», *huiqu* «возвращаться в направлении от говорящего», *guolai* «пройти к говорящему», *guoqu* «пройти в направлении от говорящего».

Такое маркированное употребление означает, что передвижение совершается пешком, а не на каком-то виде транспорта. Немаркированное употребление этих направительных глаголов предполагает, что передвижение осуществляется либо пешком, либо с помощью какого-то вида транспорта и валентность способа передвижения irrelevantна. Определенный способ передвижения предполагают и сочетания с направительными глаголами таких глаголов, как *qi* «ехать верхом или на велосипеде», *you* «плыть», *hua* «плыть на лодке», *fei* «лететь» (о птице, но не о человеке).

В китайском языке имеется еще два глагола: *kai* и *jiashi*. Глагол *kai* «открыть» связан с движением и поэтому может означать «приведение чего-то (прежде всего механизма) в движение», например, *kai shouyinji* «включить радио(приемник)», *kai deng* «включить свет», *kai qiche* «водить машину»,

kai chuan «управлять кораблем», *kai feiji* «управлять самолетом». Если объект способен двигаться, употребляется синонимичное *kai*, но более литературное *jiashi* «вести, управлять». Однако глаголы *kai* и *jiashi* различны по своей валентностной структуре. В семантике глагола *kai* содержится валентность объекта, которая синтаксически всегда реализуется, например:

- (7) а. Qing ni ba **qiche** kai jinqu
 Прошу вас подать машину.

Когда же глагол *kai* употребляется в сочетании с направительной морфемой *dao*, валентность начальной точки обычно реализуется отдельно с помощью глагола *chufa* «отправлять(ся) куда-то». Говорят

- (7) б. Mingtian ba qiche kai dao feijichang, cong jia li chufa
 Завтра отгони машину из дома в аэропорт,

а не

- (7) б'. *Mingtian ba qiche cong jia li kai dao feijichang
 Завтра машину из дома отвези в аэропорт.

В валентностной структуре глагола *jiashi* содержится только субъект действия (тот, кто ведет / управляет), поэтому он не может сочетаться с направительными глаголами. Таким образом, глагол *kai* следует относить к классу «исполнения», а глагол *jiashi* — к классу «деятельности».

Ориентация

Последняя тема связана с очень интересным с когнитивной точки зрения вопросом возможности соотношения языковой семантики с «плоскостным», «равнинным» мышлением или с «горным» языковым сознанием. Другими словами, речь идет о возможности связи языка с определенным типичным ландшафтом.

Введя понятие «окрестностей говорящего», Е. С. Яковлева убедительно показала, что в русском языковом сознании при описании объектов, расположенных на горизонтальной

плоскости (поверхности), применимы только такие абсолютные показатели, как «вдали», «невдалеке», «неподалеку», «поблизости». Показатели же относительных оценок («далеко», «недалеко», «близко») не требуют обязательной горизонтальной ориентации объектов, поскольку они территориально не привязаны к «окрестностям говорящего» [Яковлева 1994: 29]. Поэтому, по ее мнению, по-русски можно сказать «далеко внизу», «далеко наверху», как в примерах (8), но в этих фразах слово *далеко* не может быть заменено словом *вдали*.

- (8) а. Далеко внизу забегали люди по тротуару... («Мастер и Маргарита»);
 б. В это время далеко наверху стукнула дверь. «Это он вошел», — с замиранием сердца подумал Поплавский.

Совершенно очевидно, что в этих примерах наречие *далеко* употреблено как дистанционный показатель со значением 'на большом расстоянии': *далеко внизу* = 'внизу на большом расстоянии', *далеко наверху* = 'наверху на большом расстоянии'. Другими словами, слово *далеко* здесь употреблено в непривычном контексте, в том смысле, что здесь неуместен вопрос «Еще далеко?», наподобие фразы

- (8) в. Еще далеко (долго) добираться до озера? (которое находится где-то впереди).

Каким же образом передаются на китайском языке соответствующие пространственные показатели, сочетающие в себе эгоцентрическую ориентацию с понятием величины, когда в одном случае наблюдатель находится сверху, а описываемый объект снизу, а в другом — наоборот? Оказывается, что в переводах на китайский язык слово *уан* «далеко» вообще не присутствует:

- (9) а. Xiamian (yinyue) keyi kan dao renxingdao shang (xiang mayi si) de xingren luan pao qi lai le
 букв. 'Внизу (едва) видно, как забегали люди, (похожие на муравьев)';